

**Мария
Стародубцева
с. Кытманово
Алтайский край**

Путь домой

Повесть

Глава 4

В принципе, в больнице я довольно неплохо отыграл свою роль, показал матери, что не убит жутким известием, как пишут обычно в книгах, и что не сброшусь с первого попавшегося моста назло ей, врачам и всему миру. До всего мира мне и так дела нет, это обычная метафора. Да, я попытался дать ей понять, что не сломлен, что еще не придавлен своим новым социальным статусом инвалида, что, может быть, еще не до конца понимаю, что это вообще значит, и улыбаюсь и смеюсь, может, по инерции, но все же смеюсь. Думаю, я ее обманул, хотя бы на время. А в реальности я и сам толком не знаю, что там, в реальности. Внешне все просто до абсурда: был успешный студент горного универа, выпускник с красным дипломом в кармане, со вторым специальным образованием художника, как добавкой к основной практике дизайнера-технолога

промышленных изделий, одновременно втайне мечтал о карьере профессионального баскетболиста, играл за сборную универа в товарищеских и не очень встречах, – и нет меня. Есть закованный на ближайшие пару месяцев, то есть на все лето, в гипс до колен парень, без толком определенного в университетскую практику рабочего места, ближайшие полгода вынужденный восстанавливаться после ДТП и опять учиться ходить, это значит, до декабря висеть на материнской шее, и потом неизвестно, куда дальше. А, ну да, забыл самую мелочь – еще и слепой как летучая мышь на солнце.

В детстве я с пацанами ловил таких мышей в пещерах на Вагране, недалеко от месторождения бокситов, на котором держится вся экономика Североуральска и с которого нас тогда гоняли с собаками, а потом полкласса ушло туда работать, на гарантированные места, а парочка идеалистов рванула в столичный город, покорять престижный университет с кучей школьных амбиций, идеалов и верой в светлое будущее. Приехал в светлое будущее, светло здесь, даже сильный фонарь не поможет, как светло! Пытаюсь как-то анализировать свои проблемы, говорю себе точно: бесполезно анализировать, надо признать свою полную беспомощность и зависимость неизвестно от кого. Меня это бесит, это слабо сказано, но как мне от этого избавиться?

Проснувшись утром, я не сразу понимаю, что сейчас вообще утро, кругом темнота, хоть глаз выколи. Ах да, это каламбур. Здорово умом сознать, что ты лежишь в своей комнате, вернее, в своем углу комнаты, на своей койке, а не ощущать этого абсолютно. Черт, насколько же просто просыпаться и видеть перед собой хотя бы одежду, а не шарить сейчас по воздуху в поисках стула, куда ты вчера ее кинул. Так, стоп, если я сейчас начну ныть, что было бы, я только потеряю время. Кому еще в жизни помогало сослагательное наклонение?

Кое-как сев в кровати, о чем мне сообщил знакомый с детства скрип всех ее железных пластин и колец, я нащупываю свои вытя-

нутые, твердые от гипса ноги, неподвижно лежащие словно бы отдельно от меня где-то ближе к концу койки. Гипс твердый, непроницаемый, слегка уже пропахший моим потом, шероховатый, и сверху материя на нем уже обтрепалась, отслоилась. Обе толстые лангетки примыкают к ногам неплотно, скоро будут свободно ездить взад-вперед. Рывком обхватываю одну ногу, вроде левую, сжимаю ее и приподнимаю, она болит в месте перелома, ляжка, считай, отваливается. Перекидываю ногу вниз, с кровати, она тяжело, с глухим стуком, ударяется о самую железную основу койки и застывает. Так же перебрасываю вторую ногу, они ноют и пульсируют где-то под гипсом. Ноют больно, очень больно. Интересно, сколько сейчас времени? Наверно, часов семь утра, насколько можно судить по относительной тишине снаружи и в квартире, мать, наверно, уже встала и куда-то ушла. А может, стоит в дверях и посмеивается надо мной. Бесит, когда не видишь даже своего носа и при этом торчишь один.

Вчера, судя по стуку, мать поставила два алюминиевых костыля у кровати, в углу, прислонив к стене. Вот только в каком углу? Куда могу дотянуться, нащупываю рукой стену и веду по ней пальцами, надеюсь наткнуться на костыль. Дергаю сильно, и тишину разрывает оглушительный трезвон рухнувших на пол алюминиевых трубчатых «ходуль». Пытаюсь нагнуться и нашить их на полу, гипс мешает дотянуться, бестолково вожу руками в воздухе.

– Вить, все нормально? – от неожиданности маминого окрика я вздрагиваю. – Что ты меня не зовешь, тебе же одеться надо. Да и спал бы еще, я сама недавно встала. Давай помогу. – Она сгребает костыли с пола и тычет ими мне в руки, я опираюсь на них и на нее, и встаю с койки на рвущиеся от боли, негнущиеся, гипсовые ноги. Одна из них повреждена меньше, на нее я опираюсь в полную силу, вторую поджимаю под себя, ноги дрожат даже под гипсом.

– Мам, не надо помогать, – недовольно говорю я, ориентируясь на ее голос. – Только покажи дорогу до ванной, дальше я сам.

– Ничего, ничего, – тараторит она, – мне не трудно. Ей так явно ужасно неловко и неудобно, что меня временами разбирает смех и жажда высказать ей это в лицо. – Вот сейчас я надену тебе футболку и шорты, и мы медленно пойдем в ванную, да? – Черт, она же сюсюкается со мной, словно мне три дня от роду!

– Мама, не надо со мной, как с ребенком, – резко говорю я, – я еще помню, как одеваться. Просто. Дай. Мне. Мою. Одежду! – Она, наверно, испугавшись, почти рывком сует мне в руки футболку и шорты. Я, перевернув футболку несколько раз, нащупываю отверстия для головы и рук и натягиваю ее на себя.

– Вить, ты же ее задом наперед надел, – тихо говорит мать, я отмахиваюсь.

– Без разницы, дай сюда шорты, я их на кровать положил.

– Они упали, на, возьми. – С шортами сложнее, раз в сто. Судя по шнурку на поясе, держу я их правильно, а вот пропихнуть туда два деревянных бревна, именуемых ногами, не могу. Не могу и дернуть ими, они взрываются при каждом движении.

– Может, все-таки возьмем коляску напрокат? – робко говорит мать.

– Нет, – отрезаю я, как и в предыдущие разы. – Я не инвалид, я скоро встану на ноги, мне не нужна коляска, поняла? У меня ноги не отрезаны, и тратиться на коляску я тебе не позволю.

Она вздыхает и пытается помочь мне с шортами. Черт, это должно быть ужасно смешно! Взрослый, двадцатидвухлетний бугай, под метр девяносто ростом, не может самостоятельно натянуть на себя свои темно-синие летние шорты, купленные недели две назад. Что же она не смеется, может, угорает про себя? Она чуть ли не завязывает шорты на мне, у меня лицо горит от смущения, от стыда, от злости, наконец! Что за муть! Потом она почти на себе тащит меня в туалет. Я не могу идти сам, даже на костылях ноги подкашиваются и болят, стоит подумать о том, чтобы на них наступить. Квартирка у нас маленькая, я все время спотыкаюсь и задеваю головой потолок, верчу

головой в разные стороны, пытаюсь хоть что-то рассмотреть в сплошной ровной и безболезненной черной завесе.

Глаза не болят, я их вообще не чувствую, болит только сама голова, и в висках сидит по пять иголок в каждом. В туалете начинается полная комедия, я даже кнопку слива найти не могу, стою там, как идиот, пока за дверью мать обеспокоенно не спрашивает, что там со мной. Да ничего, в унитаза засало. В больнице я лежал, как бревно, здесь нужно передвигаться, хоть веревки натягивай по квартире. Плюс стоять вертикально я могу секунд двадцать, не больше, даже вцепившись в костыли, которые скользят по доскам пола и разъезжаются в разные стороны.

Мать дотаскивает меня до стола, говорит, там уже стоит завтрак. В ней метр шестьдесят ростом, она надрывается, таская меня на горбу, и не позволяет ей что-либо говорить по этому поводу. Ей уже надо бежать на вахту, она торопится. Летом она подрабатывает. Я сижу и тыкаю вилкой во все углы стола в поисках своих пельменей, дешевых магазинных пельменей, которые сам готовил себе в общаге, а теперь мне их готовит она, но натыкаюсь только на кленку и дерево столешницы. Мать, устав от однообразного стука мельхиоровой вилки по столу, резко перехватывает мою руку и тычет в тарелку, так, чтобы я мог насадить пельмень на зубчики.

– Посуду помоешь, мне пора, – машинально говорит мать, но тут же осекается. – Господи, прости, пожалуйста. Не слушай меня. Я, я сама помою, когда вернусь.

– Да ладно, не парься, все нормально, – спокойно отвечаю я, еле сдерживаясь, чтобы не ударить вилкой со всей силы по столу и не сломать ее к чертям! Маме неловко находиться со мной в одном помещении, она не может привыкнуть ко мне новому, она глухо бормочет извинения, чмокает меня в щеку и убегает. Я дотаскиваю себя до дивана, нашариваю пульт от телевизора, пытаюсь его включить, тишина, он не подсоединен к розетке. А я даже не знаю, где она и в какой стороне ее искать.

Минут через пять звонят в дверь.

– Кто? – ору я через полквартиры.

– Я, Никита, – отзывается дверь. – Ты там рядом? Или мать тебя закрыла как маленького? – Мотор явно ржет, стоя на лестничной площадке. В смысле закрыла? Костыли в этот раз я положил рядом с собой на диван, но встать не могу, они скользят, загребая под себя ковер, пока Мотор за дверью что-то громогласно мне орет на полдома, черт бы его побрал. Я приподнимаюсь, костыль скользит, и я падаю на больную правую ногу, сломанную в двух местах, она подгибается, грохот по всему дому, это меня вышибает, хоть плачь от бессильной ярости. Нет, только не заплакать, это же смешно! Стой, стой! Никита не совладает с дверью, если она закрыта, ее изнутри-то еле откроешь. С третьего раза я дотягиваюсь до отлетевшего костыля, встаю, нащупывая спинку дивана, на одной левой ноге пытаюсь доскакать до двери, нога болит всякий раз, когда я на нее наступаю. Нашариваю дверь и замок, вожусь с ним, он поддается. Мотор подхватывает меня и держит, пока мы ковыляем до дивана.

– Ничего погром, у вас люстра, что ли, упала? – невозмутимо спрашивает он. – Похоже, вазу ты задел, погоди, я уберу осколки.

Вообще не заметил вазу, совсем забыл про нее. Мотор шуршит веником, скребет одной рукой.

– Как твой бок? – спрашиваю я, он вяло смеется.

– Сойдет. С рукой сегодня возились, не соображают, что с ней. Гипс снимают.

– А что так рано?

– Она не сломана, она перешиблена, как и нога, только она сохнет что ли, сам понять не могу. Не болит, никак не ощущается, как занемела сильно. Но, по крайней мере, я не ощущаю себя коровой на льду.

– Меткое определение мне, – фыркаю я. – Зачем ты пришел? Будешь ржать, как обычно? – Мой резкий выпад Мотор игнорирует.

– Ну ты же просил свозить тебя к нашим, вот я и здесь. Дотащить я тебя не смогу, только поддержать за плечо. Давай, обо-

прись на меня. Где тут у вас ключ, я дверь закрою, до обеда обернемся, там сильно делать нечего.

Комедия: один калека тащит по лестнице другого. Вообще, жизнь – полная комедия с сюжетом дешевой мыльной оперы. Только таким сарказмом и можно сдерживать себя, плетясь в пустоту по лестнице, не зная, куда ты наступаешь, плюс твой спутник хрипит, как лошадь, и почти не может тебя держать, он устал, он не хочет признаться в этом. Мы еле доползаем до первого этажа, под гипсом у меня вместе с потом, похоже, течет и кровь, липкая и щекотная, и там больно, где она течет. Мотор запикивает меня в машину, мы молча едем на окраину города, на кладбище.

– Никита, как сегодня на улице? – от нечего делать спрашиваю я.

– Нормально, – сухо говорит вымотавшийся Мотор, шмыгая носом, – тридцать два в тени, повсюду какие-то жуки летают. Сейчас на кладбище приедем, там комаров, наверно, полно. Тебе вон хорошо, ты в гипсе, они туда не залезут. – Мы невесело смеемся, подбадривая друг друга.

– Да, Никит, ты потрясающий рассказчик, – ухмыляюсь я. – Прямо Стивен Кинг, повесть из одного слова.

– Ну, а что я еще скажу? – оправдывается Мотор. – Асфальт еще плавится. А, – вдруг тянет он, – а еще по переходу идет зачетная блондинка в шляпе.

– И больше ни в чем? – подначиваю я.

– Нет, увя, – смеется он, – в майке и мини-шортах, и в босоножках. Крутая, ты б видел!

– Очень смешно, – раздраженно фыркаю я. – Я теперь, представь, даже не найду, что с ней делать, окажись мы вместе. Не найду!

Что-что, но подобные вещи до Никитоса доходят со скоростью света, следующие пять минут он ржет до самозабвения, забыв напрочь про дорогу, и я вместе с ним. Потом он ехидно замечает, что теперь все девушки достанутся ему, я парирую, что и все проблемы с залетами тоже, так мы пикируемся до самого кладбища, на территорию которого въезжаем с музыкой, сигаретами, ку-

пленными Мотором в ближайшем магазине, и двумя жестянками пепси. Пиво Мотор не взял, мне, как бывшему спортсмену, пить и курить не полагается, о чем он не преминул напомнить. Представляю сейчас Мотора с его выгоревшими уже на солнце благодаря футболу и купаниям кофейными космами, с жалким намеком на то, что зимой они были русого цвета, он наверняка в любимых джинсах, с которыми не расстается, и в футболке с каким-нибудь мультяшным монстром, он знаток всего, что происходит в кино, особенно в боевиках и мультфильмах, и как это сочетается, знает только он сам. Не в курсе, я фанат игр вроде «Варкрафта» и ужастиков на ночь глядя. Остановившись, мы замолкаем, как по команде, Мотор вытаскивает меня под душное, уже в полдевятого утра, солнце, и нас мгновенно тучей обволакивают обещанные и накарканые комары. Костыли утопают в земле и в траве, приходится их вытаскивать.

– Да, – говорю я, – прощай, девственно-белый цвет гипса, на что он там похож, а?

– Лучше не говорить, – хихикает Мотор, – потом объяснишь матери, что нечаянно запачкал.

– Я не вчера родился, чтобы она со мной нянчилась, – отрезаю я, отмахиваясь от комаров. – По ходу, они тут соскучились мертвецов пить, им свежатинки подавай!

– Не напоминай, – Мотор вертит руками, как мельница, поднял вокруг себя целую бурю, – давай, скачи сюда, это здесь. Иди на мой голос, – томно протягивает он, строя из себя гадалку из телика, они же так обычно гипнотизируют своих жертв. Наигранная веселость, в которую мы уже успели почти поверить, улетучивается, едва наши ноздри улавливают тяжелый холодный запах свежескопанной земли в тишине этого места, где нет никого, кроме нас и комаров. Я делаю еще пару шагов.

– Не наступи на них, – шипит Никита, оттаскивая меня в сторону. Тут он напрягается, как струна.

– Привет, Алина, – сипло говорит он, я слабо киваю в сторону. Алина была девушкой Сашки Гугла, почти что его невестой,

они собирались пожениться в июле. Когда я ее видел, три недели назад, она светила, невысокая, с русыми, аккуратно собранными в толстый хвост, волосами и веселыми, чуть нагловатыми, серыми глазами. Пару секунд она молчит, потом неохотно здоровается.

– Привет, Никита, привет, Витя, – монотонно цедит она. – Рада, что вас уже выписали из больницы.

– Да вот, – встречаю я в разговор, – пришли навестить друзей. Останешься с нами?

– Нет, я пойду, у меня летом подработка, а осенью я уезжаю, – ее голос слегка подрагивает, – нашла работу в городе. Пока. – Она почти убегает. Никита скребет выросшую траву возле двух, как я догадываюсь, голых могил, с одинаковыми деревянными крестами и стандартными фотографиями. Шарю рукой, венков нет, обе могилы пустые, только на той, что справа, лежит букетик каких-то цветов, значит, там лежит Сашка, к нему приходила Алина. Никита шумно пьет пепси, наверно, он отвернулся в сторону. Солнце печет мне спину, оно светит прямо на могилы, отсвечивая от металлических дощечек с выгравированными там фотографиями.

– Никита, – медленно говорю я, – дело по ДТП закрыто?

– Да, – отмахивается он, – там судить некого, наш водитель погиб, водитель в одной из легковушек тоже, водитель в джипе ис-

чез. Дело закрыли за недостатком улик, моя мать узнала.

– Помнишь, там «Скорая» приезжала, парня из джипа вытаскивала? Они его укрыли, вот дело и развалилось.

– Помню, – равнодушно отвечает Мотор. – И кто, по-твоему, будет слушать слова двух калек? Кроме того, на твои показания они не сошлутся, ты полностью ослеп.

– Спасибо за напоминание, – огрызаюсь я.

– Ты ослеп, – бубнит он, – и мог ничего толком не разглядеть. Нас даже не допрашивали, наверняка дело стало очередным «висяком» или как там это называется. Тебе когда гипс снимут? – Мотор неуклюже пытается сменить тему.

– Через три недели, – я делаю вид, что не замечаю его потуг поддержать хотя бы призрачную иллюзию нормальности. Вроде внешне все спокойно, мы не сходим с ума, не бросаемся на могилы друзей, мы не плачем. Так неестественно: ты ходишь, принужденно улыбаешься, разговариваешь, а внутри тебя что-то рвется по секундам.

– Ладно, тебя уже пора везти обратно, – он вздыхает и тушит сигарету.

– Ты что, не хочешь найти виновников? – резко говорю я, пока он ведет меня к машине. Мотор смеется, но я его хорошо знаю, когда он так фыркает, глаза у него не улыбаются, они злые и холодные.

– Не сейчас, – сухо бросает он, захлопывая за мной дверцу машины.

Волны бьются о скалы

Психологическая драма

Кол-во страниц: 80

Формат: А5

Обложка и переплет:
мягкая глянцевая

Купить книгу по ссылке:

<http://planeta-knig.ru/shop/1825/desc/volny-bjutsja-o-skaly>